

Заметив, как Горшочку пришлись по душе занятия со счётами, Вэй Чэн, едва покинув дом старого ученика Чэня, напрямик направился в лавку всякой всячины.

В этой лавке, как и положено, можно было найти товары со всех концов света: зубные щетки и порошки, ароматные притирания и масла для волос, счёты всех видов, а еще настольные игры шуанлу, замки Лубаня, «девять колец», головоломки «путь Хуажун» и прочие забавы.

Малыш, приподнявшись на цыпочки, во все глаза разглядывал пестрое многообразие на прилавке. Ткнув маленьким пальчиком в одну из вещиц, он пролепетал:

— Братик, Горшочек хочет вот это.

Вэй Чэн узнал игрушку — такая была у Фан Вэня из их деревни. Он видел её несколько раз, но так и не понял, как в неё играть: тот всегда доставал её собранной и убирал в таком же виде.

— Хорошо, — кивнул юноша. — Брат купит.

Приказчик, услышав их разговор, выложил вещицу перед мальчиком. Особого значения покупке он не придавал, лишь добродушно предупредил старшего брата:

— Это замок-багуа. Его можно и разобрать, и собрать. По легенде, один великий мастер плотницкого дела изготовил такую забаву, чтобы проверить, умен ли его сын. Вещь капризная, не каждому по зубам. Коли не найдете верного подхода, так и пролежит мертвым грузом, а денег за нее просят немало. Давайте я вам лучше счёты покажу, а малец пусть пока покрутит замок в руках, побалуется.

Глаза Горшочка при виде хитроумного замка так и засияли. Он бережно взял его в ладошки, разглядывая с нескрываемым восторгом.

Видя это, Вэй Чэн улыбнулся:

— Ничего страшного. Младший брат редко что-то просит сам, так что куплю — пусть играет. Сумеет ли он его открыть или нет, это не так уж важно...

Он еще не успел договорить, как раздалось два коротких щелчка, и замок-багуа в руках ребенка буквально рассыпался на части.

Мальчик наклонился, подобрал упавшие на стол деревянные брусочки с пазами и недовольно надул губы:

— Совсем не весело.

Работник лавки на мгновение лишился дара речи от изумления:

— Ох... А малец-то и впрямь не по годам смышлен.

Но Горшочек, не обращая внимания на похвалу, обхватил Вэй Чэна за ногу:

— Братик, Горшочек больше это не хочет.

Коли всё разбирается в три щелчка, то и интереса в такой игре нет.

Вэй Чэн в душе ликовал — его младший брат и вправду был необычайно умным ребенком. Он ласково погладил его по голове:

— Тогда я куплю тебе что-нибудь другое.

Но малыш мотнул головой:

— Братик, Горшочек хочет только бусинки.

— Уважаемые гости... — Приказчик криво усмехнулся. — Можете и не покупать, раз не любо. Но раз уж вы его разобрали, не могли бы вы собрать его обратно? Я сам сколько бился — даже разобрать не мог, не то что сложить.

Горшочек деловито подбежал к столу и, встав на цыпочки, заявил:

— Горшочек тебя научит.

Белоснежные ручонки подхватили деревянные плашки. Малыш ощупал пазы на брусочках, выставил две одинаковые детали, и его черные глазки сосредоточенно заблестели. Пальчики порхали так ловко и быстро, что мгновение спустя все детали снова плотно прилегали друг к другу. Собирая головоломку, он еще и наставительно лепетал:

— Дяденька, гляди! Вот так, потом вот так, и еще вот этак — и готово!

Собеседник смотрел на это, затаив дыхание, и только шумно сглотнул, когда замок в руках ребенка вновь стал целым.

— Вот оно, оказывается, как...

Справившись с задачей, Горшочек юркнул обратно к брату и, чуть оробев, спросил:

— Мы всё собрали. Теперь можно не покупать?

— Можно, можно! — Мужчина с восторгом повертел в руках замок-багуа и посмотрел на Вэй Чэна: — Парень! Ну и братишка у тебя — голова!

— Мой брат и впрямь очень способный, — не удержался юноша. — Я и счёты ему покупаю только потому, что у него к ним талант. Сегодня он всего разок посмотрел, как мастер работает, и уже освоил правила для верхних и нижних костяшек. Учитель сказал, что завтра даст ему задачки посложнее.

Вэй Чэн старался говорить ровно, но в голосе его так и сквозила гордость за мальчика.

Приказчик закивал:

— Истинная правда, умен не по годам! Я за столько лет не видал, чтобы такой кроха так лихо справлялся с замком-багуа. Пойдемте, я покажу вам счёты...

Поскольку это были первые личные счёты в жизни Горшочка, Вэй Чэн внимательно слушал объяснения: из какого дерева сделаны, какими маслами пропитаны, сколько дней шлифовались костяшки и какой мастер приложил к ним руку.

Работник лавки, которому братья явно пришлись по душе, немного подумал и достал из-под прилавка инструмент, который берег для особого случая.

— Глянь-ка, парень, вот эти счёты, — предложил он. — Подержи в руках.

Вэй Чэн взял их, щелкнул парой костяшек. Инструмент насыщенного красного цвета сиял мягким блеском, был удивительно легким и на ощупь приятным. Эти счёты были в сто крат лучше тех тяжелых и неповоротливых, что он видел до этого.

Мужчина огляделся по сторонам и понизил голос:

— Коли надумаешь брать, отдам за вот такую цену.

Он сначала показал раскрытую ладонь, а потом дважды сжал её в кулак. Это означало сто вэнь.

— Ты еще молод, — продолжил он, — и вряд ли почувешь на глаз, что это за дерево. А ведь эти счёты выточены из драгоценного пурпурного сандала. Скажу по секрету: это обрезки от

большого заказа для самого уездного судьи. Но обрезки это или нет — неважно, ведь на костяшки много дерева и не надо. Коли захочешь сам такой сандал купить да заказать счёты мастеру, в такую цену ни в жизнь не уложишься.

Вэй Чэн не был из тех, кого легко провести. Он еще раз осмотрел другие товары, взвесил их на руке и понял, что эти красные счёты и впрямь лучшие.

Он поднес маленький инструмент к лицу Горшочка:

— Горшочек, нравятся тебе такие?

Малыш посмотрел на продавца, потом на брата и тихонько спросил:

— А сколько денежек надо? Дорого?

Приказчик только открыл рот, чтобы сказать «Дороговато, но...», как Вэй Чэн его перебил:

— Недорого. Нравятся — купим. А если нет, пойдем в другую лавку искать.

Горшочек осторожно принял подарок, ласково погладил гладкие костяшки, и глаза его довольно сощурились:

— Горшочку очень нравятся!

Вэй Чэн улыбнулся:

— Раз нравятся, значит, берем.

Он достал серебро из своего короба. Недавно они разменяли еще один лян. Если вычесть траты на школу, гостинцы для старого ученика и эти сто вэнь за счёты, от того ляна осталось около пятисот вэнь.

Не считая тех двадцати лянов серебра, которые они решили не трогать, на руках у них оставалось еще пять лянов и пятьсот вэнь.

Покинув лавку, они заглянули к мяснику и за тридцать пять вэнь купили цзинь свежего мяса — в меру жирного, в меру постного. По пути им встретилась старушка с тележкой, торговавшая яйцами. Просила по три вэни за штуку — куда дешевле, чем зимой, когда цена доходила до шести-семи. Вэй Чэн приценился и взял десяток яиц, отдав еще тридцать вэнь.

Им с Горшочком теперь приходилось не только за книгами сидеть, но и по хозяйству хлопотать

— дрова рубить да сорняки полоть. Коли из экономии питаться одним чесноком да дикими травами, долго они так не протянут — здоровье подкосит.

Покупая яйца, юноша не забыл приглядеться, какую корзину использует старушка и сколько сена подкладывает, чтобы товар не побился. Запомнив всё, он, довольный, повел брата домой.

На обратном пути Горшочек, неся за спиной свой маленький короб, вприпрыжку бежал рядом, крепко держа брата за руку. Он звонко напевал:

— Один-один — это один, два-два — это арбуз...

Вэй Чэн негромко рассмеялся и поправил его:

— Два-два — это четыре.

— Два-два — это штыри...

— Четыре, — отчетливо выговорил Вэй Чэн.

— Хорошо, — послушно отозвался малыш и снова старательно запел: — Два-два — это гири!

Старший брат только вздохнул с улыбкой. Ладно, пусть пока так будет.

Они не пошли сразу к себе, а сначала заглянули к старосте. Ли Маодэ, выслушав просьбу, посмотрел на своего старшего сына:

— Не слыхал, в Цзяншуй, Цзянхэ или Фэнмяо кто-нибудь ослика не продает?

Ли Далан мельком глянул на Вэй Чэна и вполголоса ответил отцу:

— Слыхал я, что в деревне Цзянхэ семья Сун не только осла, но и вола на продажу выставила.

— Вола? — Староста нахмурился. — Зачем же пахотную скотину продавать? Неужто у Сунов дела совсем плохи?

Ли Далан снова покосился на гостя. Как ни крути, а Цинь-ши была его матерью...

Вэй Чэн, однако, остался внешне спокоен:

— Ничего, Брат Далан, говорите прямо. С чего это Суны решили даже вола сбыть?

— Да они не только скотину, они и землю, и дом за долги отдают. Слышал я, Богач Сун тяжело занемог. Человек был в теле, а теперь в одночасье высох, ровно щепка, того и гляди дух испустит. Родня от него отвернулась, вот Цинь-ши и распродает всё имущество, чтобы на лекарей хватило!

Юноша выслушал это как досадную сказку и лишь спросил:

— А еще кто-нибудь осликов продает?

Купить осла было несложно — на скотном рынке в городе их пруд пруди. Но и цена там кусалась. Увидев двух мальчишек, торговцы наверняка задрали бы цену до небес, поэтому Вэй Чэн и решил первым делом попросить дядюшку-старосту присмотреть за сделкой.

Ли Саньлан, стоявший рядом, возмущенно вставил:

— Верно, Чэн-эр! Даже если они даром отдавать станут — не бери. Коли Богач Сун преставится, Цинь-ши увидит, что ты теперь и грамоте учен, и земля у тебя есть, — как пить дать, с тем братом тебе на шею сядет!

— Нет, никакой он не брат! — Горшочек, услышав это, отчаянно замахал ручонками. — У братика есть только Горшочек! Только один младший брат!

Ли Саньлан так и ахнул, хлопнув себя по губам:

— Ох, ну и язык мой — помело! Прости, Горшочек, виноват я, зря такое сморозил.

— Ничего, — малыш прижался к ноге брата, совсем не обижаясь. — Горшочек не сердится на Брата Саньлана.

Они еще немного пошутили, и тут Горшочек принялся копаться в своем коробе. Осторожно достав новенькие счёты, он гордо выставил их перед собой:

— Смотрите!

— Ого! Да это же счёты!

Староста довольно улыбнулся, глядя на Вэй Чэна:

— Лекарь Цяо говорил мне, что свел вас со своим старым учителем. И что же, вы уже и счёты

купили?

Юноша принялся с упоением рассказывать, какой Горшочек умный, не упуская ни единой детали. А малец в это время, выпятив грудку и изо всех сил стараясь выглядеть важным, принялся ловко щелкать костяшками, совсем как заправский маленький счетовод.

Ли Далан и Ли Саньлан принялись нахваливать его на все лады. Даже вернувшиеся с улицы Братец Цю и жена старосты не скупилась на добрые слова, восхищаясь сообразительностью мальчика.

Ли Маодэ не забыл расспросить Вэй Чэна и об учебе. Услышав, что всё идет ладом, он успокоился и пообещал завтра же разузнать насчет ослика, чтобы парню не пришлось об этом горевать.

Солнце уже клонилось к закату, и братья поспешили домой. Синьэр, завидев их еще издали, с радостным воем бросился навстречу.

Волчонок так хорошо питался, что уже начал походить на взрослого зверя. От его мощного прыжка братья едва устояли на ногах.

Заметив, что миска, наполненная с утра, уже пуста, Вэй Чэн поскорее вымыл руки и принялся готовить ужин для двоих людей и одного маленького хищника.

На грядках за домом вовсю зеленела капуста-сунцай, а на плетях огурцов уже высыпали первые хрустящие плоды. Юноша сорвал всего понемногу и приготовил сунцай с кусочками мяса и ароматную яичницу с огурцами.

Горшочек всего второй раз в жизни ел яйца. Он с таким аппетитом уплетал нежный омлет и хрустящие ломтики огурца, что не заметил, как умял две полные чашки риса.

На следующее утро Вэй Чэн поднялся ни свет ни заря: наколот дров, натаскал воды и принялся рубить траву для птицы. Едва он насыпал корм вперемешку с отрубями пищащим цыплятам, как со стороны дороги донесся шум и крики.

Он взгляделся в утренний туман, и лицо его мгновенно потемнело.

К дому приближалась Цинь-ши в окружении своих непутёвых братцев — его дядюшек.